

Сун Чжиши смотрел на них с невольной завистью. Они были не просто военными — гордостью своих семей, живым олицетворением духа этой эпохи. Обладая железной волей и неукротимым пламенем в груди, эти парни нашли свое призвание в армии. Именно здесь, на службе, они отдавали родине всю свою кипучую, горячую юность.

Случайно его взгляд упал на Гу Хуая. Тот сидел так же тихо, но его губы едва заметно шевелились — похоже, он беззвучно подпевал остальным.

Лучи заходящего солнца золотили прямой, мужественный профиль Гу Хуая, смягчая его обычно суровые, словно высеченные из камня черты. Взгляд его, устремленный куда-то вдаль, казался одновременно печальным и радостным, полным неизбывной тоски и светлых воспоминаний.

Сун Чжиши на миг показалось, будто в ресницах мужчины блеснула влага, но когда он взгляделся пристальнее, глаза Гу Хуая уже были сухи.

Вот он, настоящий Гу Хуай — живой, чувствующий, такой близкий и настоящий...

Сун Чжиши вновь всем сердцем прочувствовал реальность своего перерождения. В груди разлилось теплое облегчение: пока еще ничего не случилось, все живы и здоровы. Какое же это счастье — просто наслаждаться тишиной и покоем.

Увлечшись своими мыслями, он не заметил, как его мимолетный взгляд превратился в откровенное разглядывание.

Почувствовав этот обжигающий взгляд, Гу Хуай негромко кашлянул и вопросительно посмотрел на Сун Чжиши, безмолвно спрашивая, в чем дело.

Только сейчас Сун Чжиши осознал, что песня давно стихла, а его самого бесстыдно поймали с поличным. Вспыхнув от смущения, он торопливо схватил со стола стакан и залпом осушил его, пытаясь унять бешено заколотившееся сердце.

Сун Чжиши так отчаянно прятал глаза, что Гу Хуай невольно улыбнулся. Его улыбка, теплая и искренняя, заставила его суровое лицо преобразиться, словно отступили зимние холода.

Начался праздничный ужин. Праздничный стол накрывали Лю Сюэмэй и другие хозяйки из военного городка. Родом они были из самых разных уголков страны, поэтому и угощения ломились от пестроты и разнообразия кулинарных традиций.

Главным блюдом стали нежные свиные ребрышки на пару в рисовой муке — коронное угощение Лю Сюэмэй. Вокруг них теснились тарелки с тофу в остром масле хонъю, хрустящими огурцами с чесноком, рисовой лапшой мипи, сочными паровыми рулетами цзыцзюань, жгучим перцем соломкой сяньсянь лацзы и золотистой картофельной соломкой на пару яньъю цаца. От

одного только вида этих разносолов у Сун Чжиши разыгрался нешуточный аппетит.

Поскольку встреча носила исключительно дружеский характер, командир полка Лю Фуцин не стал обременять подчиненных строгой дисциплиной. Все свободно накладывали себе еду и увлеченно беседовали.

Комиссар Чжао Юаньшу с интересом спросил:

— Сяо Сун, я слышал от Гу Хуая, что ты сегодня сдавал экзамен в ансамбль песни и пляски?

В ансамбль песни и пляски?

Новость была в диковинку. Сидевшие рядом гости тут же потянулись поближе, наострив уши в надежде узнать подробности.

Сун Чжиши поспешно отложил палочки:

— Да, все верно.

Заметив, как прямо ответил юноша, Чжао Юаньшу замялся, не решаясь спросить о результатах. Провалиться на таком экзамене — дело обычное, а ведь сегодня провожали Гу Хуая. Расстраивать гостей за праздничным столом совсем не хотелось.

Поняв чужую неловкость, Сун Чжиши поспешил добавить:

— На самом деле мне просто улыбнулась удача. Я прошел.

Гу Хуай изумленно и радостно переспросил:

— Прогрел?

Не без тайной гордости Сун Чжиши достал официальное извещение о приеме на работу. Он протянул его Чжао Юаньшу, тот передал бумагу Лю Фуцину — командир полка, как бы ни хмурился, все же пробежал глазами текст, — и лишь затем документ наконец лег в ладонь Гу Хуая.

— Сяо Сун поступил в ансамбль песни и пляски!

— Значит, скоро мы сможем увидеть его выступления на сцене!

Новость мгновенно разнеслась по уютному дворику. Гости, ошибочно решив, что раз парень попал в ансамбль, то непременно поет, зашумели:

— Чего откладывать в долгий ящик! Сяо Сун, а ну-ка изобрази что-нибудь прямо сейчас!

— Точно, спой нам!

Все как один повернулись к Сун Чжиши.

Тот лишь растерянно моргнул:

— ... Э-э, что?

Сцены он никогда не боялся, но выступать без подготовки перед Гу Хуаем и его боевыми товарищами... Сун Чжиши готов был признать, что струсил. Без реквизита и репетиций он чувствовал себя ребенком, которого взрослые посреди праздника заставили декламировать стишок.

«И как мне теперь выкручиваться? Сразу сказать "нет" или попытаться перевести все в шутку?»

Своего человека всегда жалко. Гу Хуай, прекрасно знавший привычки сослуживцев, поспешил прийти на выручку. Его голос прозвучал довольно сурово:

— Чжиши сегодня весь день провел в дороге, да еще и на экзамене выложился. Давайте отложим это на другой раз.

Чжао Юаньшу тут же вмешался, сглаживая углы:

— Ладно вам, разошлись! Будет еще полно возможностей. Чего вы так торопитесь? Наш ансамбль все равно регулярно приезжает в часть с шефскими концертами.

С выступлением удалось кое-как замять, но сама тема не давала покоя гостям. То и дело кто-нибудь подходил к столу под предлогом поднять чарку за Гу Хуая, а сам заводил разговор с Сун Чжиши:

— Товарищ Сун, у меня старшему сыну в этом году пятнадцать стукнуло. Как думаешь, есть у него способности, чтобы в ваш ансамбль пробиться?

Обратившийся к нему мужчина лет тридцати пяти выглядел очень простодушным. В его глазах светилась такая искренняя отцовская забота, что Сун Чжиши не мог ответить сухо.

— В ансамбль принимают только с восемнадцати лет, — доброжелательно объяснил Сун Чжиши. — Так что у вашего сына как раз есть время на подготовку. Стоит подыскать хорошего наставника, да и школьные предметы забрасывать нельзя.

На сегодняшнем отборе он заметил, что многие кандидаты не могли связать и двух слов грамотно, из-за чего вылетали в первом же туре.

— Эй, Лао Чжан, неужто передумал сына в армию отдавать? — слышался чей-то смешок из толпы.

— А то! Была бы возможность пристроиться на теплое местечко, кто ж откажется? В ансамбле и паек хороший, и крыша над головой казенная. Мой-то оболтус здоровый как бык, лопает за троих — какая девка за него пойдет, если он нас объедать продолжит?

— И то верно! Послушаешь тебя, так и свою девчонку хочется туда отправить.

Гу Хуай оставался главным героем вечера. Он сидел в окружении сослуживцев, поддерживая веселый разговор. Сун Чжиши, уставший с дороги и безумно голодный, чувствовал себя вторым хозяином дома, а потому изо всех сил старался держать лицо и приветать гостей.

К середине застолья столы опустели. Подобное пиршество даже на Новый год посчитали бы невероятной роскошью.

Когда Лю Сюмэй водрузила в центр стола большую миску с исходящим густым паром ароматным супом из почек, женатые мужчины дружно сглотнули слюну. Они запереглядывались, но никто не решался потянуться за поварешкой первым.

Вытерев руки о фартук, Лю Сюмэй заговорщически подмигнула виновнику торжества:

— Сяо Гу, налегай на супчик. Сяо Сун специально просил оставить для тебя побольше.

В ту же секунду взгляды всех присутствующих дружно устремились... пониже пояса Гу Хуая.

Надо же! Неужели даже статному командиру Гу требовалось мужское укрепление?

Чжао Юаньшу расплылся в понимающей улыбке и добродушно поддел товарища:

— Раз у вас лад да любовь, то и я спокоен.

Даже вечно суровый Лю Фуцин нехотя буркнул:

— Ладите — и хорошо. Живите дружно.

Гу Хуай мысленно вздохнул. Оправдываться теперь было бесполезно — все равно никто бы не поверил.

Поскольку армейская дисциплина строго запрещала алкоголь, проводы закончились рано, не успело пробить и восемь часов вечера.

Когда главная часть гостей разошлась, в доме остались лишь самые близкие товарищи Гу Хуая. Среди них был муж Лю Сюмэй — батальонный командир Ли Детянь, а также двое незнакомых Сун Чжиши офицеров. Один, с тонкими интеллигентными чертами лица, походил на ученого книжника, а вот второй...

Сун Чжиши всегда считал Гу Хуая очень высоким, но этот парень оказался еще выше и мощнее в плечах. Настоящая гора мышц, вот только выражение лица у него было на редкость простоватым, даже чуточку глуповатым.

— С Ли Детянем ты уже знаком, — заговорил Гу Хуай, а затем указал на мужчину интеллигентного вида. — Это Чжан Файи.

Тот расплылся в улыбке, отчего у глаз собрались мелкие лукавые морщинки, сделавшие его похожим на хитрого лиса:

— Мое почтение, младшая невестка.

— Очень приятно... Стоп, что? — Приветливое выражение лица Сун Чжиши едва не треснуло.

Гу Хуай наградил шутника тяжелым взглядом, и Чжан Файи поспешно поднял раскрытые ладони, безмолвно моля о пощаде.

— А это Лэй Цинго, — перевел взгляд на здоровяка Гу Хуай. — Можешь звать его просто Лэйцзы.

Лэй Цинго напустил на себя суровый вид и буркнул себе под нос:

— Да... это самое, привет.

Назвать парня невесткой у него язык не поворачивался.

Лэй? Значит, его фамилия Лэй.

Услышав это, Сун Чжиши словно получил разряд тока — в голове мгновенно выстроилась четкая логическая цепочка.

Если память ему не изменяла, в будущем три сына и четыре дочери Гу Хуая носили именно фамилию Лэй, при этом имя их матери в книге никогда не упоминалось.

Лэй — фамилия не из частых. И раз уж дети не унаследовали отцовскую фамилию, то наверняка получили материнскую. Что, если будущая супруга Гу Хуая — родная сестра этого простодушного великана?

Не удержавшись, Сун Чжиши спросил прямо:

— Скажи, у тебя есть сестры?

Лэй Цинго удивленно захлопал глазами и ответил на автомате:

— Ну да, есть. Младшая сестра.

Сун Чжиши мгновенно напустил на себя строгий вид бдительной матушки на смотринах:

— Как зовут? Сколько ей лет? Чем занимается?

Окончательно растерявшись, Лэй Цинго послушно выложил всю подноготную:

— Лэй Цинцин. Двадцать три года ей. Работает медсестрой в Народной больнице города Хэло.

Надо же, медсестра!

В городскую Народную больницу с улицы не берут — там нужны и образование, и практические навыки. Похоже, девица очень способная и хваткая.

На душе у Сун Чжиши стало как-то смутно. Он и сам не понимал, чего в нем сейчас больше — облегчения или легкой, щемящей ревности.

Помолчав, он негромко обронил:

— Хорошая партия. Действительно достойная девушка.

— Еще бы! — Лэй Цинго приосанился, не скрывая гордости. Сестренка была его единственной родной душой, они с детства держались друг за друга. Чтобы дать ей возможность выучиться,

он и пошел на военную службу. И Цинцин не подвела: стоило окончить училище, как ее сразу распределили в городскую больницу. На всю их коммуны она была такая одна.

Помня о том, что завтра предстоит хлопотный день, Гу Хуай хотел побыстрее выпроводить гостей, чтобы дать измотанному Сун Чжиши наконец лечь спать. Не став ходить вокруг да около, он прямо указал приятелям на дверь:

— Ну все, расходимся. Засиживаться не будем, завтра у всех дела. Еще свидимся.

Только оказавшись на улице, Лэй Цинго наконец опомнился. Он ведь шел туда с твердым намерением устроить взбучку этому Сун Чжиши! Избалованный барчук путал его названому брату все карты, так что хорошенько отчитать его было просто необходимо — заставить вести хозяйство, приучить ухаживать за мужем... Но почему в итоге он сам стоял перед ним и послушно отчитывался, как на допросе?

Разозлившись на собственную бесхребетность, Лэй Цинго влепил себе неслабую затрещину:

— Ну и дубина ты стоеросовая, Лэй Цинго! Тюфяк, даже высказать парню ничего не сумел!

Чжан Файи пощупал лоб приятеля — жара вроде не было:

— Лэйцзы, ты чего удумал? С ума сошел, себя колотить?

— Я-то не сошел, — хмуро буркнул Лэй Цинго. — А вот брат Гу Хуай, по-моему, точно рассудком повредился.

Чжан Файи прекрасно понимал, о чем говорит товарищ. Он лишь примиряюще похлопал Лэй Цинго по плечу:

— Брось, ты разве в командире сомневаешься? У него своя голова на плечах, сам разберется. Наше дело братское — не совать нос в чужую семью.

Лэй Цинго с досадой потер лицо:

— И все равно мне обидно за брата Гу Хуая. Не заслуживает он такой обузы.

— Думаешь, Сяо Сун ему не пара? — спросил Чжан Файи.

Лэй Цинго промолчал, но его угрюмый вид говорил сам за себя.

— А мне кажется, этот малый себя еще покажет, — задумчиво протянул Чжан Файи. — Жизнь

— штука долгая. Вот увидишь, он себя еще проявит!

Тогда он и представить не мог, насколько пророческими окажутся его слова.

<http://bllate.org/book/19670/1979470>